

Елена Лампига

Старушка на курьих ножках

16+

Елена Лампига

Старушка на курьих ножках

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лампига Е. В.

Старушка на курьих ножках / Е. В. Лампига — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Бруно Дюпре, владелец ювелирного дома, оказывается втянут в авантюру старым другом семьи. По следам похищенного у него драгоценного кольца Бруно летит в Россию. Здесь в заброшенном поместье происходят таинственные события — убивают сторожа музея, на территории усадьбы пропадают люди, а по кладбищу гуляют призраки. Событиями ловко управляет изобретательная старушка преклонных лет. Ей помогают две очаровательные внучки, нахалки и авантюристки. Бруно предстоит разобраться, что скрывает коварная Луиза, потомок древнего рода? Как визит в Россию изменит всю его жизнь? И какую роль во всей этой истории сыграет «женильное» кольцо семьи Дюпре?

1

Россия, поместье

Новенький импортный автомобиль медленно катил по пыльной проселочной дороге. За рулем его расположился солидно одетый мужчина средних лет, комплекции мельче средней, но с непомерными амбициями. Мужчина с мечтательным выражением на лице обозревал проплывающие мимо просторы. Просторы ему не принадлежали, но он живо представлял себе, как славно он здесь развернется, станет полноценным баринном, крестьяне будут кланяться, завидев его издали на породистом скакуне. Вот здесь поставит он конюшню с племенными рысакими, здесь баньку, здесь раскинутся виноградники. Да, хорошая же наступит у него жизнь! Темная тень залегла на челе будущего барина. Нужно только расправиться со старухой и ее свитой! Вздорная, лживая, спесивая ведьма должна умереть! Он во всех подробностях стал представлять себе, как она вытаращит глазенки, как будет просить его о пощаде, как от страха затрясутся ее старушечьи губы. Но он будет неумолим! Справедливость восторжествует! Лишь истинно достойный получит всё!!!

Франция, Париж

– Mon cher! Искренне! Искренне рад! – Старик обнимал гостя, хлопал по спине, тряс за руки, поворачивал его во все стороны, снова принимался хлопать и рассматривать. – Как здоровье Вашей бесценной матушки?

– Она в прекрасной форме! Благодарю. – Гость улыбнулся в усы, вспомнив бесценную.

– Что же мы стоим на пороге? Пройдемте, Мишель, пройдемте, я покажу, как мы здесь устроились. Вы надолго к старику?

– Боюсь, у меня не так много времени, дядюшка. Могу я Вас так называть?

– Ба! Зачем же Вы спрашиваете, mon cher, когда это истинная правда и с нею не поспоришь! Теперь я вижу это своими собственными глазами. Сказать по правде, я и ранее не усомнился бы ни на секунду. – Старик провел рукой по губам, скрыв усмешку. Гость тоже улыбнулся.

Они прошли в гостиную, где выпили коньяку, обсудили погоды, забастовку в Париже, современные нравы, цены на нефть и новую коллекцию модного дома Шанель. За приятной беседой они покинули старинный особняк, – хозяин взял гостя под руку, тот согнул ее крендельком, – и неспешным шагом направились по ухоженным тенистым аллеям парка, примыкающего к дому. Гравий под ногами приятно шелестел. Идеально подстриженные газоны, ухоженные живописные клумбы, хвойные деревья и кустарники, стараниями искуснейших мастеров получившие очертания самых причудливых форм, фонтан с золоченой статуей в центре в стиле солнечного короля – все здесь радовало глаз, навевало мысли о многовековых традициях, о безусловной принадлежности владельцев к старой французской аристократии, о благополучии и процветании рода. Гость выразил неподдельные интерес и восхищение садом, чем безмерно порадовал честолюбивого старика. Наконец, перешли к делу. Впрочем, о деле решили беседовать в кабинете, в приватной обстановке.

– Все, о чем вы толкуете, прелестно! – Глаза старика блеснули нездоровым блеском. Он складывал губы дудочкой, сводил кончики пальцев, размышлял. – Но, боюсь, невозможно! – он раз за разом выносил вердикт.

– Но отчего же! Все складывается, как нельзя лучше для всех! – горячился гость. – Как говорится, у нас товар, у вас купец!

– Мальчишка своенравен. Он не поддается уговорам! Нет-нет... боюсь, я не смогу на него повлиять. Вот если бы он сам... – Старикан хитро прищурился. – Но как это осуществить? Немыслимо! – Он вскинул руки.

– Что ж... Пожалуй, я готов взять дело в свои руки. Но мне понадобится Ваша помощь, месье. Не откажите, – гость поклонился.

– Все, что от меня потребуется! – заверил старикан, обрадованный возможностью обнять премиленькое дельце чужими руками и получить знатный барыш. – Что вы предлагаете, Мишель?

Тогда заговорщики склонили головы и принялись весьма оживленно шептаться:

– Гениально! – Старик откидывался на спинку кресла, потирал руками.

Или

– Нет, никуда не годится! Уж лучше... – Они снова склонялись головами, плели интригу дальше.

Час спустя, оба они, довольные друг другом, пожали руки. Старик взял в руки телефон, принялся звонить.

– Бруно, мой мальчик! Как поживаешь? – Трубка отвечала ему приятным мужским голосом.

– Ведь ты в Париже?

– Как? Все у тебя? Сегодня?

– В таком случае, мой юный друг, позволь рекомендовать тебе моего старого знакомого из России. Он здесь по случаю всемирной выставки.

– О, да! Можешь не сомневаться! Он славный малый, ювелир, непревзойденный мастер русской школы! Уверен, он станет душой приема!

– Так, стало быть, сегодня в восемь он у тебя?

Старик дождался утвердительного ответа своего невидимого собеседника и распрощался с ним в самой теплой манере.

Начало игры было положено! Заговорщики ударили по рукам!

Россия, поместье

Повозка медленно и как-то натужно тащилась. Колеса с трудом проворачивались, то там то сям попадали в глубокие рытвины. Дорога была никудышная. Мужички в повозке вяло перебрасывались словами, изредка покрикивали.

– ... Ты мне это брось!....

– ... Подпиши бумагу...!

– ... Как ты могла, Варвара...!

– ... А я ж говорил...!

– ... Ну-с, электроосвещение оплачивать будем?

Слышен был и старушечий голос.

– ... Мне совершенно нечего надеть...

Варвара, запряженная в повозку, налегала на хомут. Бежать было тяжело. Бежать было... необходимо. В глазах стояла пелена. Она становилась все плотнее, мешала продвигаться дальше. «Наверное, шоры», вдруг подумала Варвара, помотала головой, стряхивая оцепенение, – не помогло. Тогда она забеспокоилась всерьез, стала трясти мордой, водить ею из стороны в сторону, – стороны оказались плотные, вязкие, словно омут, – она фыркнула, попыталась дотянуться правым передним копытом до глаз – мелькнул сломанный ноготь, в сознании всплыла неприятная мысль и исчезла... Неожиданно исчезла и пелена, морок рассеялся и взору ясно открылся сизый предрассветный потолок. Варвара привычно тарацилась в него, переводя дыхание. Черт знает что, а не сон.... Уметь бы гадать по тени утреннего потолка. Голос извест-

ной телеведущей произнес: «если первым делом вы увидели кривые линии на потолке – к разбитому сердцу...». Варвара развеселилась. А если плафоны покрыты пылью – к генеральной уборке! На самом деле ей не нужны были предсказания. Она и так знала, что все стало как-то уж слишком сложно. Сонливость медленно уползала из головы, реальность надвигалась неотвратно. Как Терминатор на Сару О'коннор, подумала Варвара.

Она окончательно проснулась, рассмотрела сломанный ноготь – тот был на месте, вздохнула, решительно встала и потопала в ванную. Что там сегодня с великими делами?

– Варь, вот что ты сопишь? Я тебе сколько раз говорила, это только в автобусе ВЫХОДА НЕТ! А у нас есть. Прямо под носом! – Под носом у Катерины был мокрый дощатый пол. Она домывала веранду, и когда добралась до крыльца, уже кое-как возила тряпкой по сторонам.

– Кать, ну не могу я, понимаешь? Не могу! Ты все прекрасно знаешь. И давай закроем тему. – Варя привычно отбрыкивалась от подруги.

– Конечно, давай закроем... Но знай! Это я не могу смотреть, как ты надрываешься, – не унималась та. – Ну посмотри на себя! Графинюшка наша свежее. – Графинюшкой Катька называла бабушку Варвары Луизу Вацлавну, старушку преклонных лет, весьма деятельную и темпераментную особу, надо сказать.

– Кто на свете всех свежее, и румяней и вреднее..., – пробормотала Варя и с жаром задыхалась на стекло. Сегодня в музее был выходной и они решили заняться уборкой.

– Вот на той неделе Борис Иванович приезжал. Хороший же дядька! Явленского просил. А он уже месяц, на минуточку, ездит! Ну хочет Явленского – сделай дядьке приятное, продай!

– Кааать! – Варвара перестала мыть окно и посмотрела на подругу.

– Я сказала, что мы подумаем.

– Каааааать....

– Ну что, Варь?

– Я бы вот вас двоих продала. Тебя и графинюшку в довесок.

– О как! А крепостное то право отменили, не слыхала?

– Рано отменили!

– Да и бабушка в довесок идти не может. Бабушка может идти в наказание. За очень тяжкие грехи, – изрекла Катька. – Я все. Тебе долго еще?

– Нет. Одно окно. И стирка.

– Угу. – Катерина вылила воду в куст отцветающих пионов, поставила ведро и уселась на мокрые еще ступени. Откинулась назад, задрала голову к солнцу. – Жара-то какая! А пойдем на речку сегодня, – прокричала она подруге в дом.

– Пойдем, – сказала Варвара совсем рядом. Она уселась сбоку от Катерины и тоже подняла голову. Лицу тут же стало нестерпимо горячо.

– Устала?

– Вообще? Или сегодня?

– Да ну тебя.

– Мне сегодня сон такой дурацкий приснился. Как бы не случилось чего. Маетно что-то.

– Борис Ив...

– Кать, не нервируй, а? Нет у нас Явленского. Ты это знаешь лучше всех!

– Есть!

– Это НЕ Явленский! – Варя подскочила и ушла в дом, раздраженно печатая голыми ступнями по полу.

– Зато какой это Неявленский! – улыбнулась подруга.

Франция, Париж

Бруно Дюпре нажал кнопку отбоя, потер глаза спросонья. Зачем, интересно, старики встают в такую рань? Он велел Жоржу приготовить кофе, решительно встал, прошел в ванную, принял душ. Все это время он гадал, что же на самом деле произошло. По телефону Филипп не стал ничего объяснять. Дааа, дед не давал ему скучать. С тех самых пор, как тот фактически отошел от дел, а Бруно возглавил его ювелирный дом, деду не жилось спокойно. Бруно еще только застегивал рубашку, а Жорж уже известил о приезде месье Филиппа Лурье. Бруно улыбнулся. Со двора он что ли звонил? Мужчина сбежал вниз по лестнице навстречу посетителю. Филипп стоял в мраморном холле у громадного зеркала. В руках он держал небольшой кейс. Филипп был стар, но отчаянно молодился. Одет он был в светлый утренний костюм в полоску – в петлице неизменно цветок!, элегантный шейный платок закреплен утонченной английской булавкой. Шляпа сидела на голове с неподражаемым шиком. Щеголь! – подумал Бруно и расцеловал старика.

–Ты сегодня не ложился? – улыбнулся он. Старик не был ему родственником, но их семьи дружили, сколько Бруно себя помнил. Они были очень близки. Наследников у деда не было и он сделал Бруно своим преемником.

–Бруно, мальчик мой. Нам нужно поговорить. – Сегодня дед был необычайно оживлен.

–Я уже понял. Идем. Выпьешь кофе? Что говорит тебе прекрасная Анри по поводу кофеина? – Бруно частенько подтрунивал над стариком. Тот умудрялся заводить шашни с мадам вдвое, а то и втрое моложе себя. Теперь у него случился роман с докторицей. Он, кажется, привез ее из Довиля, куда ездил недавно поправить здоровье по совету предыдущего врача. Врач запрещал деду всё, рекомендовал тишину, чтение и постельный режим! Из Довиля тот приехал окрыленный, помолодевший и с новым врачом. Бруно развеселился.

Они прошли в малую гостиную, где вышколенная горничная в форменном платье строгого покроя уже разливала дымящийся кофе в миниатюрные чашки тончайшего фарфора.

–Я тебя слушаю, Филипп. На тебе нет лица. Все в порядке?

–Бруно...скажи мне. Помнишь ли ты то кольцо с розовым бриллиантом?...С ним еще произошла такая пренеприятная история в России.

–Болин и Ян? Разумеется, помню...– Бруно насторожился. Загадочные приключения с этим колье уже начинали ему надоедать.

Дед мялся и ерзал, складывал губы трубочкой, хмурился. Бруно не собирался ему помогать. Он уже давно изучил повадки старого бонвивана и не поддавался на его провокации. Вот и в истории, произошедшей в России, он чуть было не лишился своего честного имени. А все из-за неумного авантюризма Лурье.

–А скажи мне, ты показывал его кому-нибудь?

–Твоему старому знакомому. Месяц назад. Ты сам рекомендовал мне его. Почему ты спрашиваешь?

–Позволь старику взглянуть на него еще раз. Ммм? Ты не против? – Старик излишне оживленно похлопал Бруно по колену, глаза его лихорадочно горели.

Бруно прищурился, он чувствовал всем нутром, что-то происходит.

Однако, он молча поднялся, рукой пригласил Филиппа следовать в кабинет. В кабинете Бруно нажал на какие-то кнопки, деревянные панели разъехались, открывая проход в скрытое до того помещение. В помещении горел специальный свет и бесперебойно поддерживалась специальная температура. Всюду на полках стояли бархатные коробки и коробочки, лежали свертки. Здесь временно хранились особо ценные украшения до того, как их описывали и передавали в банк, а также драгоценности, с которыми Бруно не желал расставаться. Здесь же расположена была его личная коллекция – Бруно Дюпре был страстным поклонником дорогого старинного оружия. Он достал одну из коробок, вернулся к столу и открыл ее перед стариком. По кабинету пробежали перламутровые всполохи, лицо старика осветилось. Он лишь мельком взглянул на бриллиантовое кольцо искуснейшей работы.

–Отменно. Отменно! – неизвестно чему возрадовался он.

–Филипп... Может объяснишь, что происходит?

Россия, поместье

Сменив белье в жилых комнатах – простое бязевое в своих и шелковое с рюшами в бабулиной, подружки отправили его в стирку.

–Как думаешь, бабушка не будет гневаться, что мы ее шелка со своим ситчиком вместе стираем? Не погребует? – Катерина в притворном ужасе приложила ладошку к губам.

–Не погребует. В нашем доме власть принадлежит пролетариату. А бабушка на перековке.

Тут не желавшая мириться с перековкой бабушка зазвонила в колокольчик.

–Где вы там ворохтаетесь? За смертью посылать...

–Ба, откуда тебе известно про смерть? – Это Варвара. Она была родная внучка и высказывалась более революционно, чем Катерина, внучка приобретенная.

–Ба, а Расскажи, как ты Наполеона видела, – захихикала Катька.

–Эхх, дурехи, никакого уважения к старости. Наполеона не видала. А вот с Сашей знакома была. – Воспоминания накатывали на бабулю как-то бессистемно.

–С Сашей Невским?

–С Твардовским, бестолочь! Рассказать? – Сегодня Луиза Вацлавна благодушествовала. «С чего бы это?» – тут же заподозрила неладное Варвара.

Катька придвинулась поближе, приготовилась слушать. История тех взаимоотношений, поведанная Вацлавной, наполнена была деликатной советской романтикой, которая, как известно, секса не предусматривала, а вот стихами да любовными письмами изобиловала.

–Кать, ты бабушку не слушай. Не было такого никогда, – Варя теперь гладила какие-то кружева и оборки.

–Ха! Как же не было, когда было!

–Ба, я с тобой, если ты это помнишь, с рождения живу. Не было такого!

–Катерина! Неси письма! – Бабушка раскипятилась. Она была очень азартной и, когда ей это было нужно, неслась во все тяжкие.

Катька притащила коробку с письмами. Бабуля порылась в ней, выудила из вороха одно и принялась читать:

«Дражайшая Луиза...» Так ...так...так вот! Подпись! «Навечно Ваш, Саша Твардовский».

–Съела? – Бабка выставила письмо, как статуя свободы факел, прищурила глазки, – глазки полыхали победой!

Варя, оперев руки в бока, соображала. Подошла к коробке и выудила из нее же конверт того письма. На конверте в графе «от кого» и впрямь стояло «А.Твардовский», а вот в графе «откуда» четко прописан был их прежний адрес, только дом и квартира другие.

Варя расхохоталась.

–Кать, это наш сосед бабуле писал. Дядя Саша. Хороший дядька, фронтовик был. Графинюшку боготворил.

–Так я и говорю!

–Ты говоришь, Твардовский!

–Ну!

–А Катька решила, тот самый! «На войне, в пыли походной»!

–Такого я не говорила... – Старуха развела руками. – Сами напридумают, чего не было....

–Ну Луиза Вацлавна..., – разочарованно протянула Катька.

–Ааа!!! В общем, Луиза Вацлавна, не забивай Катькину голову своими байками. И с Витькой ты б поостереглась экспериментировать. Он как с тобой наобщается, слова потом сказать не может. Или говорит, но местные его не понимают.

–Поучи еще бабушку! – надулась она. – Человек от макаки даром слова только и отличается! – изрекла бабуля и подняла палец.

–А кто вчера мужиков костерил русским портовым? У них уши дымились и глаза стекленели.

–Поделом им. Супостаты. Хай на чужое добро не зарятся.

Варя встряхнула грудь кружев и оборок, груди неожиданно приняла форму блузы.

–Извольте одеваться, Ваше сиятельство! – И присела.

Франция, Париж

– Нет-нет, мой мальчик! Тебе не стоит беспокоиться! – Дед поднял руки ладонями вверх. – Спишем все на глупые старческие причуды. – Он собрался уже встать, но вдруг передумал и плюхнулся обратно в кресло.

–А ведь, если разобраться, это ж талант! Непревзойденный талант! – Решил он поразглагольствовать. – Изготовить подделку, да такую, что сам черт не разберет, где подлинник!

–Не могу с тобой согласиться, Филипп. Я твою подделку не видел.

Старик живо поставил свой кейс на стол, достал из него коробку, из коробки с превеликими осторожностями достал он кольцо, нисколько не отличавшееся от уже имеющегося. Бруно наклонился, взял кольцо в руки:

–Потрясающе. Невероятно! – Он даже перешел на шепот.

Несколько лет назад ювелирный дом Лурье уже под управлением Бруно провел выставку драгоценных предметов обихода и украшений царского двора, вывезенных эмигрантами. Выставка посетила несколько крупных российских городов, имела ошеломительный успех. Успех омрачен был одним неприятным событием. Распорядитель выставки, сопровождающий ее по России, позвонил однажды Бруно и сообщил, что кольцо из личной коллекции Филиппа Лурье оказалось фальшивым. Это подтверждала вполне достоверная экспертиза. Бруно из сострадания к чувствам старика ничего не сказал ему сразу, велел представителям фирмы разбираться на месте, оказывать содействие следствию и обо всем докладывать ему лично, минуя почтенного Лурье. Старик явился к нему спустя время сам, был возбужден, юлил по обыкновению, в конце концов попросил прекратить разбирательства. Сквозь поток сбивчивых объяснений Бруно понял одно – старый аферист сам подсунул ему лишь копию кольца для путешествия по России.

–Черти меня попутали! – Он заламывал тогда руки, покаянно тряс головой.

«Чтоб тебя черти слопали», думал Бруно. От греха подальше он в тот же день перевез подлинник в свой особняк в предместьи Парижа и дал отбой в Россию.

–Не то чтобы я тебе не доверяю, Филипп... – Бруно подбирал слова, выставив руки ладонями вперед. – Но во избежание путаницы..., – растянулся он в улыбке, – подлинник пусть хранится у меня.

Прибывшая из России копия вернулась тогда в полное распоряжение коварного владельца.

Теперь они лицезрели оба экземпляра вместе. С лихорадочным воодушевлением истинных ценителей и знатоков они рассматривали украшения, передавали их друг другу, сравнивали, изучали камни – крупный розовый бриллиант и россыпь более мелких обычных. Дед цокал языком, Бруно восхищался мастерством огранки.

–Погоди, – опомнился Филипп. – А где теперь подлинник? Мы их перепутали!

Бруно поднял голову вверх, словно призывая небеса избавить его и от деда и от колье, с которыми вечно какая-то история.

–А! Я прихватил с собой инструмент, – Филипп стукнул себя ладонью по лбу. «Как предусмотрительно», задумался Бруно.

Они вернулись к столу, старик достал из того же кейса какие-то приборы.

Россия, поместье

Луиза разливала чай на английский манер через ситечко.

–Чаю напьемся. Ликер где, Варвара? Спрятала что ли?

–На экспертизу отдала, бабуль. В наркологический диспансер.

–Язва.

–Язва у Витьки случилась. От вашего ликера. Вы что туда намешали, травники?

–Все с родных полей, Варвара! Все по старинным рецептам! Предки почище нашего знали, что здоровью полезно.

–А Витька еле оклемался, бабуль.

–Витька...Витьке все, что для здоровья – погибель верная. Куда собрались сегодня? – Бабуля поспешила сменить неудобную тему.

–На речку пойдем. Жарища такая! Мы не долго. Не успеешь соскучиться.

Луиза помолчала, пожевала губы, словно что-то продумывая и милостиво изрекла

–И то верно. Сходите. С бумагами работать буду. От вас только шуму.

Когда девушки удалились, старушка надела очки и принялась внимательно изучать лежащие перед ней бумаги. «План господскому дому, состоящему Л*** округи в селе Поляны, снятый 25 июня 1790 года. Он вычерчен на тонкой полотняной кальке размером 67х91 чёрной тушью с подсветкой акварелью. Под номером первым указаны «палаты каменные без крышки старинного расположения длиной 22 ½, шириной 7 ½, вышиною 4 сажени, в них 6 покоев, 2 кладовых, внизу погреба». Луиза читала, шевелила губами, лишь изредка поднимала взгляд от бумаг, закрывала глаза, размышляла. «Оные палаты в 1770 году сгорели и ныне стоят без крышки, потолку и полов нет, к починке неспособны». Кроме этого здания на план нанесены под номером вторым «кладовая каменная длиной 12, шириною 6, вышиною до крыши 4 сажени, в ней 6 покоев, внизу выход с погребами». Её размеры, местоположение и число помещений полностью соответствуют натурным обмерам палат Поляны. Можно предположить, что после пожара 1770 года, владельцы усадьбы поселились в соседнем каменном строении, имеющем 6 больших «покоев», которое и стало именоваться до наших дней палатами Поляны в память о первом их владельце».

Франция, Париж

Бруно был ошеломлен! В голове не укладывалось. Информация была настолько невероятная, что осознать ее, переварить и усвоить было не под силу! Оба колье оказались фальшивыми! Когда он пришел в себя, уселся в кресло, положил ногу на ногу, стал внимательно приглядываться к деду. Тот сидел напротив, шамкал и кусал губы, шевелил ими в беззвучном монологе, проделывал руками загадочные пасы...Затем хлопнул руками по коленям и вскричал с некоторым восхищением:

–Вот ведь сукин сын! Каков пройдоха! Вот ведь шельмец!!!

–Вы договорились?

–Эммм...Что? – Дед вспомнил, что не один. – С кем? – округлил он глаза. «Как-то уж слишком честно», показалось Бруно.

–Нуууу, с кем ты только что беседовал?

–Ах...Мой мальчик... – он собрался изобразить искреннее удивление, возмущение и бог знает что еще. Бруно его перебил.

–Филипп...

–Думаю, ты теперь должен ехать в Россию, – ошарашил его старикан.

Бруно никак не отреагировал. Решил, что ему показалось.

–Видишь ли... – продолжил дед. – Предполагаю, что подлинник колье там. Его мог поменять только этот человек, который...

–Которого ты мне горячо рекомендовал и просил оказать самый радушный прием.

–Но, мой мальчик, я был о нем самого высокого мнения! Я и предположить не мог...– Дед лукавил по-крупному.

–Откуда тебе известен этот человек? И... Филипп, ты же понимаешь, я все равно узнаю правду. – Сам тон сказанного и весь вид молодого человека не оставляли старику Лурье выбора. Пришлось рассказать всё. Ну, почти всё.

–Ты рекомендовал мне человека, который обокрал тебя в России??? И вот он проделал то же самое уже здесь, во Франции! Ты спятил, Филипп!

–Видишь ли... я не сразу это понял. Только сегодня ночью я сложил факты и все стало на свои места! И вот я здесь. Сказать по правде, я боялся, что колье исчезло вовсе! Я поторопился к тебе, как только догадался, – старикан обессиленно уронил голову на руки.

–Боюсь, мошенник с подлинником может быть, где угодно. Хоть в Перу.

–Нет-нет! – Дед воспрял духом. Его не собирались пытать, вести на расстрел, он обрел почву под ногами, заговорил солидно. – В России у Михаила мать старушка. Он весьма привязан к ней. Он там, я уверен.

–Филипп. Если ты морочишь мне голову...

–Нет. Нет!!! Уверяю тебя. И потом... ты давно собирался навестить наше представительство в Москве. Поезжай, мой мальчик. Развеешься. Поешь борща!

–Но ведь можно нанять специальных людей, профессионалов! В конце концов, подключить интерпол!

Дед крякнул, откашлялся в кулак.

–Мы и так потеряли слишком много времени. К тому же... вопрос такой деликатный... Не хотелось бы выносить на публику..

Бруно прикрыл глаза и раздраженно вздохнул.

Россия, поместье

Подруги шли по лесной тропинке, известной только местным жителям. В лесу стояла спасительная, божественная прохлада. Сам воздух полон был звуков и запахов, какие возможны только в июле и только в хвойном лесу. Кроны высоких сосен гудели, вели неспешный вековой разговор. На фоне этого гула со всех сторон несмолкаемой рапсодией щебетали, свистели и клекотали невидимые птицы всех мастей – вот откуковала кукушка, вот залился соловей, засвистела иволга, дятел отчеканил дробь. В траве шелестело и сверчало. Пчела прогудела по делам. Варя разулась и пошла босиком. Тропинка была мягкая песчаная – ступням сразу стало приятно.

– Варь, это сколько ж Вацлавне стукнет?

– По-моему...триста. Плюс минус пятьдесят. Но задора еще на полвека, ты же знаешь.

–Да уж. – Катерина хмыкнула. – Может замуж ее выдать? Давно не ходила что-то.

–Не жалеешь ты мужское население, Кать. И потом, она сказала, мы первые. Пока не выдаст – не помрет.

–Уууу....вот и не будем торопиться. Того и гляди, разойдется на свадьбе в менюэтах – сломается.

–Не сломается. Ей такие пилюли прописали – скачет резвой козочкой. В музей является – каждый раз фурор! Наши зрительницы только что не крестятся ей вслед, панночкой называют.

–Родиной попрекают? – Катка уперла руки в бока.

–В бессмертии подозревают, дурында! Бессмертие во все времена вызывало не только зависть, но и страшные подозрения! – зловещим шепотом сказала Варвара и нарочито выкатила глаза, как в старом немым кино. Подруги захохотали.

Лес действовал на Варю умиротворяюще. Она любила гулять здесь и думать, вспоминать.... Мысли о бабуле неспешно поплыли в ее голове.

Далеким предкам Луизы, в девичестве Красовской, родом были из Полоцка. И насколько насыщенной была история этого славного древнего города, настолько же трагической и непостижимой была история самого рода. Разумеется, достоверных фамильных артефактов времен Рюриковичей и Речи Посполитой в семье не было. Но уж легенды самые невероятные охотно передавались из поколения в поколение, обрастали новыми подробностями, шумно обсуждались представителями семьи на праздничных мероприятиях и семейных торжествах. Случилось так, что один из героических польских предков Луизы сделался вдруг популярен при дворе Екатерины Великой. Пожалованы ему были титул и земли. А во избежание гонений, вполне обычных в период русско-польских конфликтов, упомянутый пан Ежи женился на родовой красавице. Отсюда и пошла богатая русская ветвь семьи. В последующие годы, полные трагических событий, войн, царских и затем советских репрессий, многочисленных русских предков Луизы снова разбросало по миру. Истинного патриотизма в «кровях» так и не прибавилось, зато тяга к авантюризму усиливалась в поколениях многократно. Историям этим Варвара внимала с детства, сначала с трепетным восхищением и энтузиазмом, затем с некоторыми сомнениями и поправками, с пятнадцати лет она склонна была думать, что Вацлавна все сама и сочинила по обыкновению. Варя улыбнулась мыслям и погнала их прочь. Они пришли на реку.

Речка здесь была неширокая, по обоим берегам обрамленная высокими крутыми песчаными обрывами. И повсюду сосны, сосны... Сосны, куда ни плюнь. На пляже не было никого. Приезжие сюда не забирались, а местная ребятня предпочитала пляж чуть ниже по течению, на широкой излучине, там были у них справлены плоты, припрятаны тарзанки, стояли рачьи ловушки. Мальчишки частенько приносили в имение раков, угощали женщин. Варя предполагала, что ходили они посмотреть на барыню. Луиза, в прошлом учительница, любила бывать среди молодежи, неустанно привлекала внимание, эпатировала, веселилась, хоть и не признавала этого из вредности. Скоро этой жизни придет конец. Варя сморгнула слезы и пошла в воду.

2

Бруно Дюпре находился в России уже неделю. За несколько дней до приезда он связался с человеком в Москве, велел собрать всю возможную информацию об интересующем его Михаиле Третьякове, его семье, друзьях, знакомых и далее по списку.

В Москве он провел несколько стратегически важных встреч и совещаний с российскими коллегами, партнерами по бизнесу – по случаю его приезда несколько филиалов прислали своих представителей. Он даже дал небольшое интервью прессе – в комментариях журналисты подали его как «самого прогрессивного владельца процветающего европейского ювелирного дома, интеллектуала и страстного коллекционера». Затем он прочитал доклад на форуме ювелиров, в приватной обстановке обсудил тенденции и проблемы отрасли, посетил легендарные музеи Кремля.

Владимир Иванович Ухтомский, успешный предприниматель, промышленник, обладатель весьма обширных связей в бизнес кругах России, пригласил Бруно на ужин в своем загородном доме. Бруно счел нужным на ужин согласиться. Они были знакомы несколько лет, правда, в России никогда не встречались, зато встречались на курортах Ниццы и Куршавеля.

–Мааам, ну он же старыыый. – Вика, которая только что получила от своего инструктора по теннису сообщение весьма пикантного содержания, разглядывала себя в зеркале, вытягивала губы, красиво откидывала красивые волосы назад, крутилась, отставляла попу стульчиком. Вика себе нравилась.

–Викуся, ему нет и сорока.

–У него седина в висках, я его хорошо рассмотрела на выставке.

–Это благородно, дура. – Мать критически разглядывала дочь, поправляла ей платье, волосы.

–И глаза в разные стороны смотрят. Бррр...

–Не важно. Почти незаметно. И это его не портит. Даже добавляет шарма. Он душка! Отец его очень ценит.

–Ну вот сама и очаровывай его, если тебе так хочется. – Вике не хотелось возиться с французом в угоду родителям, а хотелось смыться к Олежке, инструктору, с ним было весело, он знал миллион анекдотов.

–Викуся! Сделай это ради отца! – Викуся закатила глаза и поджала пухлые губки. – Тебе ничего не стоит заполучить мужика! Просто будь с ним поласковее, поулыбайся..., – наставляла ее мать. – Ты же вон какая красавица у меня! – Она продолжала приводить Викусю в надлежащий случаю порядок. – Выйдешь замуж, в бриллиантах купаться будешь! А там – пожалуйста, ходи сколько хочешь на фитнес, теннис и горные лыжи. – Мать бросила на дочь оценивающий взгляд – осталась довольна. – Ну все! Идем. Будешь умничкой?

–Буду, – вздохнула Викуся.

В семь часов вечера Бруно Дюпре стоял в парадном холле – торжество мрамора и позолоты – загородной резиденции Ухтомских. Владимир Иванович встречал Бруно широкой улыбкой радушного хозяина, крепко жал руку, представил уже собравшихся гостей. В ожидании ужина мужчины отправились в кабинет пропустить по стаканчику, обсудить насущные дела. Спустя время в дверь постучали, вошла Ольга Михайловна, хозяйка дома, красавица, образчик гламурного шика, – подошла к мужчинам, соблазнительно качая бедрами.

–Владимир Иванович, что же ты гостей тут держишь впроголодь? Успеете еще о делах наговориться. Прошу всех в столовую, у нас все готово.

Ухтомский решил не спорить с супругой, мужчины направились в столовую, куда уже прибыли другие приглашенные. Всего собралось человек пятнадцать, все старые знакомые, за исключением Бруно. Мужчину перезнакомили со всеми присутствующими, он запомнил только тех, кто был ему нужен, и ради кого он, собственно, пришел. Мужчины тут же снова разбились на кучки по интересам, заговорили все разом, кто о чем. Бруно с улыбкой подумал, что, пожалуй, все бизнес круги во всем мире одинаковы – вот в таких столовых, кабинетах и гостиных в дружеской обстановке встречаются предприниматели, банкиры, представители власти, вполголоса решают самые важные вопросы, начинают громкие проекты, договариваются о многомиллионных сделках. На таких встречах Бруно чувствовал себя, как рыба в воде. Сын дипломата, он блестяще умел себя преподнести, с сокрушительным успехом заключал выгодные контракты, обходил конкурентов, заводил нужные знакомства. Он приехал на ужин, чтобы обсудить с заинтересованными людьми вопросы расширения своего бизнеса в России.

–Месье Дюпре, – к нему подошла Ольга Михайловна с бокалом шампанского. Бокал он принял.

–Позвольте представить – моя дочь Виктория. – Бруно посмотрел на Викторию. Это была сногшибательная блондинка в открытом вечернем платье на высоченных каблуках. Бруно взял ее за тонкие наманикюренные пальчики.

–Ваша дочь, мадам? Не верю, – улыбался он. Хозяйка была польщена. – Вы можете называть меня Бруно. Вы стали матерью в раннем возрасте? – Ольга Михайловна зашлась в притворном смущении.

–Это генетика, месье. – Бруно подумал, что у генетики есть вполне определенное, скорее всего, всемирно известное имя, клиника в Испании или Швейцарии. Впрочем, российская эстетическая медицина также достигла пика своего развития, в чем он, Бруно, успел уже убедиться за эту неделю.

–Вы очень похожи, дамы. И выглядите... совершенно! – Они действительно были практически одинаковые, мать и дочь, подтверждение тому профессионально выполненные точечные носики, пухлые губы, высокие скулы, даже идеальной формы груди – Бруно мгновенно оценил совершенство и мастерство.

–Вы льстец, Бруно.

–Нет же! Верьте мне. Я ювелир, ценить красоту, отмечать детали – профессиональный долг. – Он улыбнулся улыбкой мартовского кота.

–Что ж, оставлю вас, молодые люди, если не возражаете. Мне необходимо вернуться к гостям.

Вероника предложила Бруно выйти в сад. Прогуляться на свежем воздухе. Бруно не хотелось гулять, остались еще нерешенные вопросы, но он пошел. Отец дипломат был бы доволен. Впрочем, мать была бы просто счастлива, хохотнул про себя Бруно.

–Я видела Вас на выставке, месье.

–В самом деле? Интересуетесь живописью?

–Очень! – С жаром воскликнула Викуся. – У нас все посещают выставки. Где еще встретишь нормальных чуваков? А художники вообще... такие забавные!

–Понятно... А Вы, Виктория, пишете сами? – Бруно откровенно издевался.

Викуся посмотрела на него, как на умалишенного.

–А! Нет, конечно. Я ж не с приветом. С детства ненавижу рисовать. Я пою!

–Да что Вы? Что именно Вы поете?

–Да так... Вот недавно предложили неплохую песню. Папа сказал, подумает.

–Папа?

–Ну конечно! В наше время, знаете ли, даже если ты ну ооочень талантлив, все равно трудно пробиться. Везде ж бабло нужно!

–Тут Вы правы, Виктория. А Вы очень талантливы?

–Нууу... друзьям нравится. Бруно улыбнулся.

–Я видел рояль в гостиной. Это ваш инструмент?

–Ага. Красивый, правда? Нам его из Италии привезли. Бешеных денег стоит.

–Сыграете что-нибудь? Прошу Вас... – Бруно взял Викуся за руки, развернул к себе, посмотрел с неподдельным трепетом. Лишь в уголках глаз плескалось веселье.

Викуся до уголков не добралась. Тут же среагировала, подняла на него томный взгляд, завела ножку назад, попа ее соблазнительно округлилась, пальцы в его руках затрепетали, идеальной формы грудь волнительно поднялась. Иии ррраз! Батман тандю жёте! – пронеслось у него в голове. Он однажды забирал племянницу из балетной школы. Послушные детские ножки и ручки заученно вставляли в нужную позицию по команде строгой мадам.

–В другой раз, Бруно. Я сегодня не в форме, – сладко мурлыкала Викуся. Бруно отвлекся от батманов.

–Что ж. Надеюсь мне еще представится возможность насладиться Вашим талантом.

–Вы скоро уезжаете?

–Да, улетаю сегодня. Честно говоря, мне уже пора бежать.

–Уууу....Ну Брунооо, – Викуся вытянула совершенные губки, свела совершенные брови.

–Мне бесконечно жаль, Вики. Но...дела! – Он глазами, губами и руками изобразил, как ему жаль. Гран батман и фуэте!

Он увлек ее в дом, где с самыми искренними сожалениями распрощался с Владимиром Ивановичем и Ольгой Михайловной – шепнул ей, что барышня обворожительна. Мать понимающе улыбнулась.

Визитом в Москву Бруно остался доволен. Все прошло по намеченному плану. Пришла пора заняться вопросом колье.

В нужный ему город он прилетел в обед. Сразу же пригласил человека в номер отеля. Выслушал его отчет о проделанной работе. По количеству информации – он получил ее в устном, бумажном и электронном виде – Бруно понял, что Михаил Третьяков весьма занятый персонаж. Он не планировал задерживаться в Российской глубинке, поэтому, не теряя времени даром, приступил к изучению материалов досье.

В 1917году князь Красовский вывез семью во Францию. Вместе с семьей князь вывез львиную долю фамильного наследия, а тут следует сказать, что Красовские всегда являлись тонкими ценителями искусств, как художественных, так и ювелирных. В княжеских закромах бережно хранились изящные украшения – творения величайших мастеров ювелиров, богато инкрустированное оружие – наследие героического военного прошлого семьи, полотна именитых художников, дорогая посуда и прочие предметы роскоши. Но светлая история благополучного спасения омрачалась одним темным фактом. В России остался старший сын князя, любимец и прямой наследник. Супруга сына была на тот момент беременна первенцем, и должна была разродиться в самое ближайшее время. На семейном совете постановили разрешения родов дожидаться в России и при первой же возможности присоединиться к семье в Париже. Так дед Михаила Третьякова, Вацлав Антонович, родился в последние дни великой империи, на стыке времен. Во Францию они так и не попали. Разразилась революция, а затем гражданская война. В неумолимом потоке событий XX века перечеркивались старые вехи, обрывались семейные узы, судьбы человеческие писались заново. Так потомки славного пана Ежи оказались в разных государствах, в разных мирах.

Бруно листал исторические справки, сводки из архивов. Он во всем любил системность и деловой подход, поэтому решил не довольствоваться поверхностной информацией о человеке, а копнуть поглубже, насколько это возможно. В конце концов, человек уже дважды пересек его дорогу! Архивные справки о семье Третьяковых заставили его задуматься. Будучи выходцем из эмигрантской семьи, Бруно с детства слышал множество подобных драматических историй. Ему даже казалось, что когда-то он уже слышал именно эту. В голове возилась какая-то мысль, он никак не мог ухватить ее и изучить получше. Что-то все время ускользало от него. Как будто не хватало одного маленького пазла, чтобы вся картина сложилась. Бруно потер уставшие глаза. Завтра он поедет к старушке, попытается договориться с ней – он умел общаться с пожилыми людьми, – разберется во всей этой истории и через пару дней вернется в Париж.

Рано утром машина ждала у входа, Бруно забрался в кондиционированный салон, они плавно тронулись.

–Музыка не мешает? Ехать-то не меньше часа!

–Нет, не мешает.

–Ага, вот и чудненько.

Бруно неплохо говорил по-русски – в раннем детстве бабушка приложила к этому немало сил, поэтому искать франкоязычного водителя он не просил.

–А то знаешь, как бывает, сядет угрюмый какой жлоб и ни гу-гу. Тащишься тогда по пробкам, хоть волком вой, и дорога не в радость...

–Что?

–Я говорю, недавно вез мужика. Весь нервный, дерганный...

Бруно потерял нить разговора, отвлекся. Мимо проплывали старые кирпичные постройки, наверное, еще дореволюционные. Впрочем, они были густо разбавлены постройками современными. Двухэтажные дома красного кирпича с арочными окнами и коваными козырьками стояли по соседству с серыми панельными монстрами. По утреннему времени прохожих на улицах было еще мало, собачники вот в скверике торопят любимцев с утренним моционом, посреди скверика вездесущий всесоюзный дед с поднятой рукой, вот смуглые дворники вышли на службу, дорожные рабочие в оранжевых жилетах подняли чугунный люк, столпились вокруг дыры, закурили.

–...Слышь, друг... Я говорю, в объезд надо. Тут дорога шибко плохая. Если времени не жаль, конечно....

Времени было жаль, Бруно велел ехать по прямой.

–Ну, брат, тады держись, – изрек мужик. Бруно тут же затрясло и заболтало, как будто ехал он не в комфортабельной машине по вполне цивилизованному городу, а посаженный в бочку катился с горы. Водитель что-то выговаривал эмоционально, кажется, ругал власти, плевался, голос его дребезжал и сам он ходил ходуном. Бруно тоже ходил ходуном.

–Нет, ну ты скажи, в чем я не прав? Бруно признал правоту.

Вскоре они выбрались из города, дорога пошла веселей. Симпатичные кирпичные особняки за коваными решетками плавно сменялись деревянными домишками с резными крышами, а там уж пошли поля. Водитель все рассказывал что-то, смеялся своим историям, даже иногда оборачивался к нему, требовал подтверждения. Бруно начала уже утомлять эта поездка, когда машина вдруг остановилась, водитель вышел, постоял уперев руки в круглые бока, вернулся с соломиной во рту, обернулся к Бруно и сказал громко, как будто Бруно был глухой:

–Приехали, брат. Мост, вишь, закрыли... Но можно в объезд... если, канеш, времени не жаль... – Времени было по-прежнему жаль. Тогда они решили, что дальше Бруно пойдет пешком через лужок, лесок и деревеньку – мужик тыкал и возил толстым пальцем по карте, а он сам поедет в объезд. Пока доедет, Бруно уж дела поделает и можно будет вернуться. Мужик опять закричал:

–Не бойсь, спросишь, если что! Не пропадешь! Язык до Киева доведет! – Пуще прежнего развеселился мужик и загоготал. Бруно уже захлопнул дверь и гогот его водителя удалялся вместе с машиной, оставляя после себя клубы пыли.

Киев... это же в... Украине?

Бруно осмотрелся. Было красиво. Бескрайние поля простирались до горизонта, разноцветными ломтями лежали на холмах, сваливались в низины. На дальнем холме увидел он деревушку. Она начиналась на вершине и затем тоже сползала вниз. Наверное, к реке, – думал Бруно, – отсюда не видно. Крыши домов горели на солнце. Воздух был еще прозрачен, чист и неподвижен. Ни один порыв, ни одно шевеление ветра не нарушало окружающего безмолвия. Ему даже казалось, что он слышит крик петуха в той дальней деревушке. Занимался новый день. Бруно поднял голову в безгранично голубое июльское небо. Будет жарко, решил он. Затем сверился с картой, которую ему выдал мужик под обещание вернуть непременно, и зашагал в сторону леса. На опушке его обогнали белобрысы, загоревшие дочерна мальчишки на велосипедах. Они звонили в звонки, перекрикивались, смеялись. Проезжая мимо Бруно, каждый из них обернулся – рассматривали с недоумением.

–Здрасьте!

–Здрасьте!

–Здрасьте!

–Ммм...молодые люди! – Бруно чувствовал неловкость. Мальчишки остановились, ждали, когда он приблизится. – Мне нужно попасть в имение Третьяковых. – Он даже достал карту и показал, куда именно. – Я ....правильно иду?

Они нетерпеливо заговорили все разом, показывали в разные стороны, звонко спорили, чесали кудлатые головы. Бруно ничегошеньки не понимал.

–В общем, правильно, дядь. – Согласились, они, наконец. Бруно показалось, что им не терпелось от него избавиться – их звали неизведанные дороги, речка до синевы на губах, краденые яблоки, шалаши на деревьях...их звали приключения. Они лихо повскакивали на велосипеды и шумно покатали в лес. Бруно последовал за ними.

Он шел уже часа полтора, полуденный жар набирал обороты, от земли поднималось аква-рельное марево, воздух дрожал. Бруно взмок, то и дело вытирал лоб, пот струился по вискам. Наконец, он вышел к деревеньке. ПОДЛЯНЫ – значилось на указателе. Древняя, как Стена Плача, бабка в теплом платке и валенках – первая, кого он встретил – кивала головой на все его расспросы. Бруно терял терпение, выдержку и всякую надежду добраться до места хотя бы до темноты. «Вот почему у немцев ни черта не получилось», рассуждал он. Он уже обернулся, чтобы поискать кого-нибудь еще. И вздрогнул. Перед ним стоял мужик в майке и меховой шапке, одно ухо шапки торчало в сторону, шнурок качался. Мужик молча кивнул. Собрался сесть рядом с бабкой, места не хватало. Он приподнял бабку, словно та была куклой, и сдвинул в сторону.

–Кузьминишна! – прокричал. – Зинку мою не видала? – Бабка закивала, как недавно Бруно. – С утра ушла в Залесное и нет ее! – Бабка снова закивала. –Ну понятно, – сказал мужик, почесал грудь обширной пятерней.

Бруно был обескуражен. Никогда ему не выбраться из этого места!

Тут подкатила к ним дородная женщина на велосипеде. Громко поздоровалась. Рассмотрела Бруно.

–Вась, где Зинка твоя?

–Я почём знаю! Кузьминишна говорит, в Залесное подалась. – Бабка закивала.

–А Савелича не видал?

–Вчера видал. На службу бёг.

–Ясно. А тебе чего? – Обратилась она к Бруно. – Иконами интересуешься, гад? – Она повысила голос и прищурила глаз. Ему даже показалось, что сейчас она его ударит. Васька уже приподнялся со скамейки, взгляд его сделался недобр.

–Я... мне нужно в имение Третьяковых. Я, кажется, заблудился...

Женщина рассматривала его.

–Нерусский что ли?

Бабка Кузьминишна закивала. Все на нее посмотрели.

–Ладно. Ты это.. через деревню пройдешь до развилка. На развилке повернешь налево. Выйдешь на луг и держи усю дорогу левее. Увидишь дом большой – двигай на него. Это музей наш. Третьяковы там. Только выходной сегодня в музее. Придется до дому идти.

Бруно поблагодарил тетку, раскланялся с остальными и пошел по улице.

Подруги резвились, хохотали, толкали друг друга, поднимали в воздух радужные брызги. Наплескавшись, дружно откинулись на спины, и, широко расставив руки, замерли на водной глади. Река плавно понесла их вниз по течению. Мимо проплывали облака, подруги взмахивали руками – облака раздавались в стороны кругами, под ними качались водяные травы.

–Хорошо-то как, Варь! Мне вот знаешь, никаких курортов не надо! Лето, солнце, речка...

–Угу. – Варвара смотрела в небо, улыбалась. Смотреть долго не было сил, все вокруг искрилось бриллиантовыми бликами, полуденное солнце слепило – она прикрыла глаза.

–Смотри, какие телочки! – Услышали подруги с середины реки. – Ээээй, красотки поплыли с нами! – Красотки моментально подскочили, запрыгали в воде оловянными солдатами.

–Плыли б вы без нас, ребят! – Катерина приложила руку козырьком ко лбу, оценила обстановку. В нескольких метрах от них качалась лодка с двумя бугаями на веслах.

–А нам без вас скучно. – Лодка уже направлялась в их сторону, бугаи налегали на весла.

–Не тратьте время, молодые люди. Вам же ясно сказали, плывите своим курсом.

–Плавает знаешь, что, малышка? – Осклабился один из гребцов. Второй загоготал.

–Ну так тем более!

–Мужики! Кто там у вас? – На песчаной отмели на другом берегу расположилась развеселая компания, – видимо, дружки. Двери автомобилей были распахнуты, музыка гроыхала теперь на всю округу.

–Да вот русалок поймали! – Опять дружный гогот.

–Давайте их сюда!

–Чёта трепыхаются! – Мужики на берегу принялись снимать на бегу одежды, попрыгали в воду.

Лодка тем временем уже приблизилась к подружкам на расстояние вытянутой руки.

–Ёмаё! Да это Красовские тёлки! – То ли огорчился, то ли удивился один из бугаев.

–И чё? Прыгайте в лодку, девки. Отдохнем... шашлык, вино, туду-сюда...

–А давайте сразу с туда-сюда, – Варвара сдула прядь волос со лба. Обе они ухватились за борт лодки, стали подпрыгивать, затем снова уходили в воду. Лодка раскачивалась, мужики приседали, махали руками.

–Эээээ! Вы чё, охренели, дуры? Я ж вам хвосты-то обломаю!

–За свой хвост переживай, придурок! – Они все-таки вытряхнули мужиков из лодки, те попадали в воду, широко раскинув руки. Взметнулись фонтаны разноцветных брызг. Последним усилием девицы окунули-таки лодочный бок в воду, тот стал быстро погружаться в глубину, лодка перевернулась, звонко шмякнулась о воду, стала медленно исчезать в пучине.

–Ну, ведьмы!

–Оставь их, Леха. Они шальные, все знают!

Гневные ругательства сыпались в след подругам, когда они изо всех сил рванули к берегу. И даже когда сломя голову бежали сквозь крапивные заросли вдоль реки. Прибежав к своему пляжику, они попадали на песок, отдышавшись, стали хохотать и заливаться.

–Варь, ты какая-то не такая сегодня. Что случилось-то? – Катерина бодро шагала по лесу, вытирая на ходу длинные светлые волосы.

–Да надоели все, Кать. Сегодня опять записку подкинули. Только бабушке не говори.

–Само собой... – Катерина вздохнула. – Анонимную? – Варвара молча кивнула. – Вот что за люди? Лютый выкрутасничает?

–Да как-то несолидно, Кать. Прямо по-бабьи. И слог, знаешь ли, высокий, патетический. Если б это не было так дико, я бы решила, что бабуля сама развлекается.

–Думать нужно. Кому больше всех надо нас отсюда выжить?

–Ооооо...желающих полно! И вот изощряются, кто как может. Лютый братков подсылает, администрация проверками замучила, анонимки теперь еще...

–Может к Роман Романычу обратимся, а? Он следак, его прямой долг разобраться....

–Сами разберемся.

–Ну сами так сами...Варь, ты что, любишь его еще?

–Кать, хочешь, я тебя стукну? И ты станешь фиолетовой! – Варвара даже вскинула руку. Катерина отпрыгнула, засмеялась.

–Правильно, подруга. Он мне вообще никогда не нравился.

–Еще бы он тебе нравился. У вас же взаимоисключающие виды деятельности, Кать. – Варвара тоже улыбнулась.

Бруно шагал по Подлянам. Жизнь на деревне была ключом. У колодца громко спорили две тетки, уперев руки в бока. Чуть поодаль, в тени раскидистой липы на лавке сидели мужики неопределенного возраста, следили за спором, встревали, подначивали теток и гоготали. Теткам надоело выяснять отношения, они разом повернулись и наперебой накинулись на мужиков. Мимо протащился возок, груженный свежескошенной травой. За возком тянулся травяной след. Дедок в армейском кителе на голое тело деловито понукал старой лошадкой, та прибавляла ходу, припадая на одну ногу. Затем возмущенно фыркнула, заводила головой – звякнули ремни, заполошнные куры бросились по сторонам. Женщины помоложе возились в палисадниках – вот одна вышла за калитку, обзрела улицу, стала громко звать внуков обедать. Они возмущенно кричали ей в ответ, обедать им не хотелось. Старухи сидели на лавках – когда Бруно проходил мимо, они разворачивались всем корпусом, словно были в партере, а он на передвижной сцене. Молодые девицы облепили крыльцо, щелкали семечки, громко смеялись. Увидели Бруно, рассматривали заинтересованно, закивали головами – приветствовали. Собаки лениво махали хвостами, развалившись под лавками и в кустах, клацали на мух. Блажили петухи. Уже на лугу к нему прицепились оводы. Он стащил пиджак и отмахивался от них. Особо любопытный козел погнался за ним вприпрыжку, пока не был остановлен веревкой, за которую был привязан. Бруно струхнул. Потом рассмеялся вслух.

«Со стороны я, наверное, похож на сумасшедшего», думал он.

Здание музея возникло неожиданно за небольшой рощицей. Бруно заметно оживился. Сам музей был закрыт, но он обнаружил стенд со схемой расположения поместья. Бруно ликова! Он был спасен!

Мужчина уже подходил к огромному голубому дому в русской традиции XVIII века – величавые колонны на пилястрах белого мрамора, широкая парадная лестница, фронтоны с розетками, террасы, окруженные балюстрадами. К основному зданию по бокам примыкали полукругом пристройки с окнами в пол... Он решил поподробнее изучить это все потом. Тут он столкнулся с новой проблемой. Ближайший, самый прямой путь к дому лежал через густые заросли сирени. Он лишь на секунду замешкался и двинулся в сторону кустов.

«Наверное, я уже начал дичать».

3

Вениамин Андреевич Лютиков, в недавнем прошлом Веня Лютый, негодовал. Высоким дребезжащим голосом он распекал подчиненных, Ромку Сизого и Вадика Карася.

–Не можете, мать вашу, справиться со старухой и девкой! На хрена только держу вас, дармоедов! Все ж приходится самому делать!

–Старая ведьма нас и на порог не пустила, Вениамин Андреич!

Мы ж по-хорошему хотели, а она с ружьем...

–С ружьем! Бабке сто лет минуло, а вы обоср***сь. Пошли вон, уроды гребаные! – В редкие моменты волнений Вениамин Андреевич скатывался до прежней лексики.

Сизый и Карась задами пятились к двери. На пороге столкнулись, завозились в проеме и выкатились в коридор.

–Тьфу... уроды как есть. – Лютый саданул кулаком по столу. –Самому нужно. Все самому...– Он схватил телефон, набрал номер. На том конце долго не отвечали. Наконец, старушечий голос проскрипел:

–Алло...Слушаю!

–Луиза Вацлавна! Приветствую! Лютиков говорит.

–Кто? Кто говорит?

–Лю-ти-ков! – Прокричал Вениамин Андреевич.

–Ага... А что говорит?

–Что ж ты, Луиза Вацлавна, меня понять не можешь. Я ж по-хорошему к тебе. Учти, я тебе отличное предложение предлагаю!

–Предлагают замуж, Вениамин! А ты старый пердун! Чего звонишь? Не тyani. Некогда мне!

–Я вот с тобой, понимаешь, разговоры разговаривать перестану. Придут ребятки мои, погрузят тебя и девок, и привет! Вывезут в поле.

–Креста на тебе нет, Вениамин! Почто мне из родного дома съезжать? Здесь помирать буду!

–Так ты дом занимаешь не по праву! Сынок твой в былые времена гоголем ходил, всюду подмазал, дом да землю за бесценок купил. А земля-то городская. А по купле-продаже областная. Намудрил сынок-то! У меня и бумаги все имеются. И бумаги, и деньги. А у тебя что? Деньги-то тью-тью! Девка все носом воротила...

–А ты меня бумагами своими не стражай! Что они мне! Бумагами пусть адвокаты занимаются. А я в них не смыслю!

–Все ты, Луиза, артачишься. Время тянешь. А не боишься помереть раньше срока?

–Да что ж это такое! – Взревела бабка. – Ты мне угрожать вздумал, козел ты старый! Упырь плешивый! Выродок ....– Вениамин Андреевич отставил трубку от уха, порассматривал ее – трубка продолжала изрыгать оскорбления, поток их набирал мощь и красочность. Вениамин Андреевич нажал кнопку отбоя.

–Ну, старая ведьма, еще поглядим, кто кого!

Бруно выбрался, наконец, из зарослей сирени и очутился посреди заднего двора. Двор был залит яростным, каким-то беспощадным солнцем, как на холстах импрессионистов, которых он обожал. После сиреневого мрака ему показалось, что все на этом дворе наполнено светом. Он был белый, густой, почти осязаемый. Свет лежал на земле, на покосившемся заборе, утопающем в зарослях лопухов и крапивы, на кустах пионов, на куче досок чуть поодаль, на свежeweстиранном белье, на женщине... Она стояла с тазом, пристроив его на бедро и придерживая одной рукой, другой пыталась подсунуть рогатину под веревку с мокрыми ослепительными простынями. Густые темные волосы собраны были кое-как высоко на макушке, тугая прядь выбилась из копны, липла к длинной шее, влажной от жары. На ней была лишь простая хлопчатая сорочка. При каждом движении сорочка поднималась, оголяя стройные ноги с тонкими щиколотками, открывая бедра, обрисовывая аппетитное тело. Бруно не мог оторваться. Девушка была ладная и какая-то... вкусная. Он все же подошел к ней сзади, перехватил рогатину, поставил ее на место. Она резко обернулась и уставилась на него зелеными глазами. На солнечном носу ее были рассыпаны веснушки – он моментально рассмотрел каждую из них. Девушка подняла руку, вытерла лоб тыльной стороной, облизала пересохшие губы, широкий ворот сбился на одно плечо – черт бы побрал эту сорочку, на девушке не было ничего, кроме нее! Он даже видел бесстыдную полоску незагоревшей атласной кожи на груди. Бруно мысленно чертыхнулся.

Прибежав домой с реки, Варвара быстро управилась с бельем – мокрые простыни тяжело опускались к земле. Она долго возилась с рогатиной, пристраивала ее, та гнулась и ехала в сторону, затем вдруг взметнулась в ее руках и встала на место без ее участия. Варя обернулась. Перед ней стоял молодой симпатичный мужчина. Он был высок, худощав и носил дорогой курортный загар – отвороты белоснежной рубашки сильно контрастировали со смуглыми руками. И весь целиком имел он вид определенно заграничный. Ближе к Европе, подумала Варя. В руке держал он льняной пиджак, перекинув его через плечо – пальцы были красивые, длинные, на запястье самодовольно сверкнули дорожные часы – завершающий штрих. Мужчина хмурился. Внутри у нее заныло. Мужчина ей не понравился. Холеный аристократ от идеально подобранных в тон одежде мокасин до снобских, сумасшедше дорогих очков без оправы он был... неуместен на пыльном запущенном заднем дворе ее дома.

–Bonjour. Puis-je voir madame Louise? – голос его был низкий, бархатный. Взгляд осторожный. Он слишком пристально ее изучал. Так ей показалось.

–Sans aucun doute, monsieur. Si vous entrez dans la maison... – Варвара широким жестом указала на дом.

Мужчина не двинулся с места. Даже не пошевелился. Разглядывал ее. Варвара молча повторила жест, даже собиралась присесть в реверансе. Мужчина заторможено проследил за ее рукой, снова обернулся к ней, поклонился – как в дурной пьесе, подумала она, – и направился к дому. Оттуда уже неслась Катька. Поравнялась с гостем, притормозила перед ним – он кивнул ей как-то неопределенно, поздоровался, – проводила его глазами и подошла к Варваре.

–Это откудова к нам такого красивого дяденьку замело?

–Из самого Парижу, – задумчиво произнесла Варвара.

Катерина нахмурилась.

–Председатель дворянства? За гарнитуром?

–Ну ты ж видела.

–А чего хрипатый такой? – Катерина пристально рассмотрела подругу, завязала шнурки сорочки под самой шеей – осталась довольна.

–А ну-ка идем. – Подруги поторопились в дом.

Бруно шагал по двору.

Очевидно, когда-то он был гораздо больше. Теперь же буйные заросли сирени, лопухов и крапивы все плотнее подступали к дому. С этой стороны к нему была пристроена уютная деревянная веранда с большими французскими окнами – краска на них облупилась. Дверь из дома была распахнута настежь. На легком сквозняке раздувалась штора. На дощатом полу развалился толстый кот, одуревший от жары. Из дома выскочила еще одна расхристанная девица. Она была красивая, фигуристая. Бруно поздоровался и прибавил шагу. Девицы смутили его! Он, наконец, скрылся с их глаз, попал в приятную прохладу старого дома. В доме он немного замешкался. Черт бы побрал все на свете! Черт бы побрал всех русских с их чудовищными дорогами, ухабами и дикостью. Его визит к старухе с самого начала не задался. Он планировал быстро добраться до поместья на такси, обсудить со старухой их дела и вернуться в отель до обеда. Теперь он стоял посреди незнакомого дома весь покрытый пылью, не знал, куда идти – встречать его никто не собирался. Девица не шла из головы – кретин!, забыл все на свете от вида женской попы, заговорил зачем-то по-французски, – Бруно злился! Он четко решил довести дело до конца и скорее покинуть это дикое место. Он шел какими-то коридорами, анфиладами полупустых комнат, потом все-таки заблудился – из очередного коридора не было выхода, лишь закрытые двери по обеим сторонам. Он открыл одну из них, попал в довольно просторную залу – видимо, когда-то здесь устраивали балы – в голове зазвучали обрывки фраз на родном ему языке, звон бокалов, дамский смех и шелест платьев. Наваждение развеялось, когда он внимательнее рассмотрел помещение – все здесь вопило о чудовищном запустении.

О былом великолепии напоминали лишь старые потемневшие зеркала в массивных золоченых рамах да остатки мебели. Впрочем, мебель представляла собой собрание предметов разных эпох – от антикварного секретера XVIII века до пузатого буфета начала XXго. В дальнем углу у стены грудились кривоногие стулья. Там он разглядел еще одну дверь. Подошел к ней, распахнул и очутился на пороге жилой, очень уютной гостиной. Мебель в гостиной также требовала реставрации, но была подобрана с отменным вкусом. В самом центре стояло фортепиано фирмы Мюльбах. Бруно присмотрелся – не ошибся ли? Нет, не ошибся. Он любил старые, настоящие вещи, мгновенно выделял их, отличал от новоделов. «Красивых», подсказала память. Бруно улыбнулся Мюльбаху. На крышке лежали нотные тетради с закладками. Некоторые были раскрыты, потрепаны и затерты в прах. Он уловил какое-то движение сбоку, обернулся и обомлел. В кресле сидела старушка размером с подростка. Была она до того чудная, что он даже снял очки, протер их и снова нацепил. Старуха была одета в какие-то гипюровые одежды, на голове ее высился натуральный тюрбан с брошью, на ногах – бархатные домашние туфли в тон тюрбану, ноги не доставали до полу. В ушах тяжелые серьги. Старушка придирчиво рассматривала его в лорнет! Насмотревшись, указала перстом в соседнее кресло. Массивный перстень из комплекта к серьгам тускло полыхнул рубиновым бликом. Какая-то шальная мысль пронеслась в голове Бруно и исчезла.

– Луиза Вацлавна?

– Луиза Луиза, кто ж еще...

– Бруно Дюпре..., – он поклонился.

– Да садись ты, свет загораживаешь. – Бруно сел. Бабка нашла на столике среди прочих бумаг, которые она до того перебирала, его записку к ней. Пробежалась по ней глазами. Рядом с бумагами лежал вполне современный мобильный телефон – Бруно удивился.

– Ну? Пошто пожаловал? Говори, – проскрипела она. Поерзала в кресле, разгладила юбку на коленях, приготовилась слушать.

Бруно открыл было рот, но в комнату ворвались давешние девицы.

Бабка недовольно уставилась на них.

– Явились? Козы. Что встали? Чаю несите. Да переоденьтесь сперва! Рассупонились! Чай не в борделе...

«Дурдом», подумал Бруно.

Подруги суетились в кухне.

– Что думаешь, Варь? Зачем пожаловал?

– Не знаю. Не нравится он мне, Кать. – Варвара покачала головой, вздохнула. – Прилизанный весь, кутюром за версту несет.

– Ты ханжа! – Рассмеялась Катерина. – Может, хочет наши графские развалины купить?

– Кать! Он наши графские развалины может на свои штиблеты обменять.

Катерина прыснула – представила Вацлавну в орлиных перьях и манистах с индейской трубкой во рту.

Варвара приготовила поднос с чашками и сладостями и направилась к двери. Катерина заговорщицки остановила ее.

– Слушай, давай не будем торопиться, – шептала она. – Гость с бабушкой пообщается полчасика, да сбежит. Не впервой же. – В словах Катерины был резон! Еще несколько лет назад, когда Варвара не оставляла надежды построить отношения с каким-нибудь хорошим парнем, гости регулярно появлялись в их доме. Но каждый раз после приватного разговора с бабулей, хорошие парни исчезали из жизни Варвары навсегда.

– Да брось! С чего бы ей его изводить? Знала, старая перечница, что приедет. Без приглашения к нам уж не суются.

Катерина уперла руки в бока:

–А ведь точно! И в реквизиты свои с утра еще обрядилась. Спектакль затеяла. Только вот для чего? – нахмурилась она.

–А не по папину ли душу гость явился? – Разволновалась Варвара. – И пришел как-то непонятно. Полями что ли?

Подруги переглянулись.

–И Витька не предупредил. Вот где его носит опять?

–А то ты не знаешь. Валентина сегодня пенсию разносит.

–Витька завязал. Бабушка велела. А бабушку он уважает.

–А она ему пригрозила белладонной отравить при очередном запое. Или в Сибирь сослать. К супружнице Раисе. Так и так погибель. Вот и уважает.

Тут, как по волшебству, со стороны заднего двора услышали они жалобную песнь, повествовавшую о несладкой доле каторжанина. Песнь гуляла по всей октаве, слова безбожно перевирались.

–К Сибири готовится, горемышный! – Девушки бросились спасать Витьку.

Виктор был пьян чрезвычайно. Они обнаружили его на заднем крыльце. Он покорял третью ступеньку, предыдущие две не отпускали его, тянули обратно. Витька был упорен в своей борьбе. Когда перед очами его обнаружились две пары ног, он обратился к ним напрямую:

–Доброго ззздоровичка! – И кивнул.

–Семеныч, с ума сошел! – Это Варвара.

–Бабушка тебя предупреждала?

Витька переключился на другие ноги:

–Имею право! Я друга лишился... – И завопил: –Что делается, девки!!! Промеж бела дня! Такого хорошего человека!... – Виктор всхлипнул. Девки привычно подхватили его под руки и потащили к заброшенному флигелю, где у Витьки была резиденция – мастерская, кладовка и гараж.

–Ты что несешь, Семеныч? Какого такого друга хоронишь? Иванкузьмича вспомнил? Так ему уж и памятник справили. В том месяце. И сам он утоп. С перепоя.

Витька отчаянно замотал головой.

–Совсем ты не ведаешь, Варвара! – взревел он дурным голосом, палец в театральном жесте взвился ввысь и силы временно оставили его. Тащить его было неудобно, жарко. Подруги запыхались.

–Ты, Семеныч, это... С бабушкой завязывай прикладываться. Не на пользу тебе.

–По-человечьи говори! – прикрикнула Катерина. – Стряслось что?

–Я и говорю! Савелич! Савелича вот только вечером вчера встретил. Живой такой был. На ночную шел... – Дальше Витька забормотал нечленораздельно. Дар речи иссяк в нем.

–Семеныч, я тебя сейчас уроню. А еще лучше бабушке сдам! Витька оживился и придал ускорения ватным ногам. До флигеля оставалось всего ничего.

–Нашли, девки, Савелича! Нашли захладавшего уже! Сразу на кладбище! С ножом в сердце!

Они его все-таки уронили. Витька пал оземь в трех шагах от крыльца.

–Как так? – Катерина открывала рот как рыба. – Когда нашли?

–Давеча, – отозвался Семеныч снизу.

Тут всё те же сиреневые кусты разверзлись. Против всех законов природы и физики из узкого лаза сиреневых недр появилась дородная Валентина на велосипеде. Недра за ней сомкнулись. Витька моргнул, потряс лохматой башкой и уставился на почтальоншу. Девушки обернулись.

–Ой, девоньки... Что ж это делается... О! И ты уже тут, пень трухлявый? Уж и зеньки залил? На ковре ты что ли прилетел? Когда забор починишь? Обещал подсобить!

–Не твое дело, Валентина, что я залил! А забор починю!

–Агааа....починуююю....ишь ты....чинитель, – расходилась как самовар Валентина.

–Валентина, что там у нас опять? – Варвара поспешила приглушить скандал в зародыше.

–Ой, девоньки! Страшное смертоубийство! – Валентина приложила пухлую руку к груди. – Савелича нашли зарезанного. Уж и милиция из района наехала. Директора музея ищут, тебя, то есть, Варь. Он-то со смены шел, решил, видно, через кладбище сократить. Там его и того... – Глаза Валентины увлажнились. Она смахнула слезинку. –Ну кому ж мешал старый пенё? Ведь безобидный был! Ну выпивал, черти ему мерещились. А кто не выпивает? Витька вон ваш теперь месяц не проспится, – причитала она, раскачиваясь из стороны в сторону. – Забор завалится! – она совсем поникла и разревелась. Потом пнула Витьку, который только-только принял вертикальное положение, – тот стал заваливаться в другую сторону. – Так, я поехала, мне еще пенсию развозить, – опомнилась она. Затем достала из сумки деньги и ведомость, и собиралась протянуть Витьке.

–Ой, тетя Валь, не давала б ты ему денег. Забор свой долго еще не увидишь.

–На-ка вот, Катерина, получи и распишись за паразита. – Катя получила и расписалась.

–Не имеете права! – вскинулся Витька.

–Ууу...повыступай мне еще! – Она потрясла у него перед лицом круглым кулаком и взгромодилась на велосипед.

–Теть Валь, а Савелича когда нашли? – спросила Катерина.

–Да часа полтора как. Сразу вызвали полицию. Ну те, правда, быстро приехали. Велели вон Витьке тебя разыскать. А мне то на велосипеде быстрее. И я сразу к вам напрямки по полям. Мост-то перекрыли, копают там что-то. А в объезд дюже долго получается.

–Ага, понятно. Ну спасибо тебе, тетя Валь.

–Да не за что. Бывайте, девоньки. – Она направилась к сиреневой дыре и проделала тот же трюк, что и по приезде.

Варвара смотрела на Витькины мучения и хмурилась.

–Пойду собираться, Катя. Не было печали...

–Я с тобой, подруга.

Старушенция темнила, ходила кругами. Часы с кукушкой отбили три. «День потерян, а я так ничего и не выяснил», – Бруно подошел к французскому окну. Створки были распахнуты настежь и вели на террасу с горячим плиточным полом и балюстрадой. Он вышел – ему требовалось передохнуть от старухи и ее выкрутасов, – оперся о перила, обозрел просторы. Просторы оказались упоительны. За живой сиреневой изгородью простирались луга. Травы не косили, они росли вольготно, местами видны были травяные развалы, устроенные коровами. Слева возвышался сказочный лес, на опушке – живописный овраг, поросший камышом и осокой, овраг сваливался к реке – «Сосновый бор», Иван Иванович Шишкин, тут же вспомнил Бруно. Одинокая лягушка оглашала округу бодрым треском, цикады заходились в металлическом стрекоте. Речное русло за лесом раздавалось вирием. По темной глади неспешно плыли глянцево-голубые облака. Далеко на горизонте река упиралась в небо, сверкала, облака встречались. По обе стороны реки раскинулось село. Игрушечные домики утопали в зелени. Золоченый купол церквушки горел на солнце... Вдруг Бруно услышал голоса со стороны заднего двора. Обернулся и увидел девиц все в тех же невразумительных одежках. Они тащили какого-то лохматого мужика в глубину сада. Бруно покачал головой и запустил руку в волосы. Что, черт возьми, тут происходит?

–Луиза Вацлавна, я последний раз спрашиваю, где Ваш сын?

–Да что ж ты за человек-то такой? Не веришь бабушке? – Она прищурилась. – Сгинул он. Пропал. Прощельги полицейские, бюрократы.

–Ну про полицейских я уже слышал, – перебил он ее. – А если я Вам скажу, что видел его живым и здоровым месяц назад.

Старушка уставилась на него, обдумывала услышанное.

– Да как же ты мог его видеть, сахар мой? Когда ты его и до пропажи-то не видел! – развела она руками.

Тут в дверь постучали, она открылась и на пороге возник водитель, везший его к старухе.

– Здравссыти. – Он увидел бабку, поднял брови, стащил кепку с головы, принялся ее мять, поклонился.

– Слышь, мужик, я это... отвезу девок до музея. Просили. Случилось там у них что-то. Или ты уже что, собрался?

– Отвезите, разрешил Бруно. Я подожду.

– А и то верно, погости еще. – Отозвалась бабка. – А то и вовсе оставайся.

Она снова уставилась в свой невообразимый лорнет.

– Что Вы сказали?

– Оставайся, говорю. Поживи у нас. Что тебе в городе пылиться?

Это было так неожиданно, Бруно замешкался.

– Но как же... мои вещи? Они в отеле.

– Так съезди заberi.

В голове у старухи крутились механизмы какой-то непонятной пока схемы. Бруно читал это по ее лицу, пытался разгадать. Но у него ничего не получалось. Бруно почувствовал, что с самого начала всей этой истории его как будто используют втемную.

– Катка борща наварила. Укусныый! Сейчас пообедаем. – Она подмигнула. – А там и за пожитками поедешь.

– Борща можно! – оживился шофер. – Ну правда, мужик. С утра ж не жрамши!

«Где-то я уже слышал про борщ», подумал Бруно. Тут в голову ему яркой вспышкой пришло озаренье. Он пригляделся к бабке.

Diab! Не будь этого дурацкого антуражу, он понял бы все сразу. Лорнет и тюрбан сбивали с толку, но теперь он почти не сомневался, бабка была похожа на старого Лурье невероятно.

Да что же это? Как??? – мысли лихорадочно бились в голове. Пожалуй, стоит действительно остаться. От бабки ничего не добьешься, нужно пообщаться с местными, возможно, и девицы что-то знают.

– Я согласен, мадам. Благодарю за приглашение. – Он наклонил голову и даже щелкнул каблуками, уголки губ приподнялись в коварной улыбке.

– О! Завербован голубчик! – Это вошедшая Катерина комментировала его выпады. Брюнетка подошла к Луизе, что-то шепнула. Бабка пожевала губами, нахмурилась.

– Знакомьтесь, девочки. Наш гость месье Бруно Дюпре, – сказала бабка отстраненно. – Накормите мужчин обедом и отправляйтесь, – велела она.

– Катерина, – нараспев произнесла блондинка, протянула прохладную руку.

– Варвара... – Брюнетка взялась за юбку воздушного платья, растянула подол, смешно присела, – avec plaisir. – Бабка прыснула в кресле.

Обед накрыли в кухне. Наскоро перекусив, собирались в музей.

– Присмотри там за ними, – наставляла Луиза Катерину. Обе они стояли у окна. Варвара и Бруно ждали у машины. Он что-то рассказывал ей, она смеялась.

– Нужно? – Катерина взглянула на Бруно, удивилась. – Он вроде приличный.

– Наоборот, дурья башка! – шипела бабка. Катерина перевела взгляд на Варвару, удивилась еще больше.

– Аааййй, – Луиза приподнялась на носки, что-то прошептала Катерине на ухо. – Ну все, теперь с богом! – Она отпустила девушку и вернулась к наблюдениям из окна. Через несколько минут машина взметнула клубы пыли и скрылась за углом.

Грузный мужчина в милицейской форме стоял у входа в музей, окруженный шумными сельчанами. Живое кольцо все время сужалось, норовило поглотить мужчину. Он громко командовал, вытирал шею огромным платком, задира фуражку, она снова сваливалась ко лбу.

–Так, граждане! Всех, кто может что-то рассказать по делу, прошу изложить на бумаге и передать мне! А толпиться тут нечего! Разберемся! Расходимся! Расходимся! – Разгонял он гомонящую толпу. Кольцо немного раздавалось.

–Как же! Разберетесь! Я вот тебя, Петрович, просила Рыжуху отыскать! Отыскал? – Тетка в цветастом платье с горечью махнула рукой.

–Это ты, Зинаида, Василия своего спрашивай, куда он Рыжуху свел. Ты ж заявление забрала?

–И забрала! Тебе лишь бы на невинного человека напраслину навести. До правды тебе и дела нет. А с Васькой я сама разберусь! Без протоколов ваших!

В толпе наметилось оживление, сельчане понимающе загоготали. Кольцо снова сжималось вокруг участкового.

–Ты мне, Зинаида, смуту не наводи! Без тебя смутно. Развели тут, понимаешь!...Самогонку самогонкой запиваете! Рабочие жалуются, не успевают материалы на мост привозить. Песок и тот разворовали! Песку вам мало? – Петрович тряс кулаком с огромным платком, кипятился все больше – вот-вот хватит удар! – У кого найду хоть палку со стройки – посажу к чертовой матери, чтоб другим не повадно! Кольцо снова раздалось, сельчане притихли, пятились назад. На месте каждый раз оставалась только старуха Кузьминична, мелко трясла головой.

–Тебе чего, Кузьминична? – накинулся на нее участковый. – Об убитом имеешь, что сказать? Нет? Иди домой!

–Савелича черти порешили, знамо дело! – раздалось в толпе.

–Ты мне по существу давай излагай.

–А я и по существу. Савелич на кладбище чертей видал позатой ночью. Видать, пошел убедиться, что, значит, не померещилось ему. Вот они его и утащили к себе. – Кольцо уплотнилось, загудело. Старухи размахисто крестились.

–Тьфу, – сплюнул Петрович в сердцах. Казалось, он стоит посреди грандиозного хора, управляет им при помощи платка, хоровод то сходится, то расходится.

–Да это дух Мишанин по кладбищу бродит, упокоения ищет! К своим он просится, а лечь не может – тела-то нету! – Подлянчане заспорили на излюбленную тему. Загадочное исчезновение хозяина поместья уж сколько лет не давало им покоя.

–Ну началось! – Участковый уверен был, что самые невероятные толки и домыслы распространялись среди граждан не без участия самой графинюшки, как ее окрестили местные. Да и правоохранительным органам и ему, Петровичу, лично бабка попортила немало крови. Писала заявления и жалобы, подкидывала гипотезы одна дурней другой. В общем, вносила смуту в некрепкие умы, вела диверсионную деятельность. Делала она это намеренно, уводя следствие в сторону, Петрович об этом догадывался.

–Граждане, граждане! Повторяю последний раз! Разберемся! А сейчас по домам! – Никто не сдвинулся с места. Участковый развернулся, вознамерился выйти из окружения и тут увидел Варвару, директрису музея, дочь неупокоенного Мишани. Рядом с ней лыбилась Катерина. Витька что-то внушал молодому смуглому мужику, махал руками, приседал, хлопал себя по коленям. ОПГ в сборе, подумал Петрович. Не хватает только вождя.

–Варвара Михална, приветствую. – Петрович направился к ней. – Мне с тобой поговорить...Пройдем внутрь, отпирай. – Вся толпа мигом развернулась в направлении входа в музей.

–Куда? Посторонние остаются здесь! Ждут дальнейших указаний! Пройдем, Варвара. – Они вошли в здание музея. По дороге Петрович четко по-протоальному обрисовал Варваре случившееся.

–Ну показывай, где тут у тебя Савелич обретался? Какие функции выполнял, за что отвечал....

–АлексанПетрович, Савелича нашли на кладбище, а не в музее.

–Да нашли-то нашли, Варвара. Да вот только получается, что на том кладбище ему и делать было нечего. Он же кладбище не охранял? Только музей?

–Только музей, – подтвердила Варвара.

–Вооот. А мои уж проверили – на том кладбище у Савелича нет никого. Там же только Красовские лежат, да усадебные работники. А у деревенских свое кладбище и вся ИванСавелича родня на нем похоронена. Вот такие дела, – Петрович снял, наконец, фуражку, вытирал голову платком. Сопел недовольно.

–Что ты, АлексанПетрович, маешься-то так?

–Да мне эти ваши Заподляны вот уже где, Варвара! – Он резко махнул рукой поперек горла. – Всю картину мне портите! Везде тишь да гладь, а в Заподлянах то люди пропадают, то черти появляются...

Варвара сокрушенно вздохнула, развела руками, словно признавая вину.

–Слушай... а может правда черти?

–Варвара! Я с тобой, как с серьезным человеком! А хочешь, повесткой вызову?

–Не хочу, – засмеялась она.

Они пришли к комнате ночного сторожа ИванСавелича. Дверь была открыта.

–Странно, – сказала Варвара. – Савелич перед уходом всегда дверь запирает на ключ, а ключи зрителям сдавал. А ну-ка пойдем, Александр Петрович.... – Она повела участкового дальше по коридору. Там они зашли в другую комнату. Варя проверила щиток с ключами.

–А скажи, у Савелича ключи были при себе?

–Не нашли ничего.

–У нас тут, видишь, щиток со всеми ключами. В этой комнате зрительницы переодеваются, чай пьют, отдыхают.... Савелич в рабочие дни сотрудников дожидался, все ключи им сдавал. А по выходным сам запирает все залы и комнаты, и ключи вот сюда вешал. А теперь их нет.

–А куда ж они подевались? – Петрович почесал могучий затылок. Они помолчали.

–Ты вот что... Посмотри внимательно, может пропало что? Где у тебя тут особо ценные вещи хранятся? – Они пошли смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.